

«...Маленькие человеческие подробности и являются основой больших человеческих чувств...» — это строки из дневника двадцатилетней Светланы Молчановой, которая через два года, в 1961 г., станет женой молодого журналиста и писателя Валентина Распутина. «Маленькие человеческие подробности» открывают многое не только из ближайшего родственного круга семей Молчановых и Распутиных, но и судеб поколений, закаленных жизнью большой семьи во время войны и после нее, напитавшихся чтением книг и сердечным общением.

В оглавлении книги видим восемь фамилий, но, углубившись в чтение, понимаем, что авторство принадлежит и Валентину Распутину (здесь его выступления, письма), и Ивану Ивановичу Молчанову-Сибирскому, отцу Светланы, с его стихами, фронтовыми письмами, и тем родным, которые оставили интереснейшие заметки о дружбе, общении со Светланой и Валентином. По подборке фотографий — это почти семейный альбом, даже подписи под фотографиями по-домашнему теплые: «Три сестры: Настя, Маруся, Катя», «Сережа в детском саду», «Светлана с Марусей и племянницей Катей», «Светлана, Женя, Галя, Милочка Прокопчук на свадьбе у Кати и Коли, 1986 г.», «За чаем» (без чая дом Распутиных не представить).

Открывают книгу обширные воспоминания Евгении Молчановой, младшей сестры Светланы. Распутин, хотя и полушутя, но отмечал безусловную литературную одаренность Евгении-Жени: «*Вот дал Господь ей положенье: Со всех сторон видна, красна, А все от чтенья, от волненья, А все от книжного вина*». В. Распутин. 2 октября 2008 г.

«Кстати, Евгению до недавнего времени я называл просто Женей. Но вот она написала совершенно замечательные воспоминания об отце — и сразу выросла в моих глазах, так что я не смею называть ее Женей. Она сразу для меня поднялась в Евгению Ивановну». (Это из выступления 2003 г. в Москве).

И в этой книге заметки Евгении прочитываются на одном дыхании, погружая нас в очарование большой молчановской семьи, в умело встроенные в повествование фрагменты писем, стихов отца, устных слов Распутина. В том числе приводится запись выступления писателя на вечере, посвященном 100-летию Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, где он рассказал о том, как, будучи студентом университета, встретил на набережной Ангары будущую жену. «Встретил ее, ну и, конечно, увлекся. Она была хороша собой, она и сейчас хороша, а тогда была хороша особенно». В этих сдержанных словах, в повторе «хороша» звучит любовь, упрятанная от внешнего проявления. Сдержанность передалась и его дочке Марусе, это мы знаем по рассказу «Что передать вороне?»: «...Она спускалась по лестнице и, увидев меня, вся встрепенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь, она не рванулась ко мне, не заторопилась, а, быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врожденный, но не затвердевший еще характер, каких усилий стоит ей сдерживаться и не кинуться мне на шею».

На первые свидания Светлана, как рассказывает в том же выступлении Распутин, «почему-то, может от застенчивости, приходила со своей подругой». И вот однажды эта подруга «мне открыла глаза, она сказала, что Светлана — это дочь известного поэта Ивана Молчанова-Сибирского. Я, конечно, перепугался...

Я подумал — всё. Надо куда-то спрятаться, надо просто не появляться ей на глаза. Думаю, куда мне с моим рылом, что называется, быть рядом с этими небесами». Таким было начало для Валентина. Совсем другую интуицию доверила своему девичьему дневнику Светлана: «Часто сейчас мне стало казаться, что В.Р. (так она называла его в дневнике. — А. К.) — судьба моя». «С февраля 1961 г. они уже не расставались», — пишет Евгения Молчанова.

В обширном очерке Евгении Молчановой открывается романтически влюбленный студент Распутин, который пишет письма Светке, уехавшей с сокурсниками на строительство сельского клуба. «Я хотел отправить тебе целых пять вот таких листов и подробно осветить, какой я в тебя влюбленный, но подлое начальство дога-

Светлана и Валентин Распутины.
Фото А. Пантелеева.

Светлана, Мария, Валентин Распутины. Фото А. Пантелеева.

далось, что моя голова занята совсем не тем, чем полагается заниматься, и соизволило отправить меня в Шелехов для освещения вопросов технического прогресса». Это целомудренные письма:

«И будь добра — разреши хотя в письме поцеловать тебя». А в другом письме шутовское пояснение: «Я — это Валька. А то ты, чего доброго, перепутаешь

еще». Тогда они были Светкой и Валькой, а в 1961 г. родился сын Сергей, которого они тогда именовали Лякой. Только жена смогла настоять, чтобы Валентин забросил журналистскую поденщину и погрузился в то дело, которое дало миру явление, именуемое коротко — Валентин Распутин.

«Окончив университет, с маленьким сыном Сережей (которому не было тогда еще и годика) и мужем Валентином Распутиным, молодым журналистом, Светлана уезжает по распределению в Красноярск, где работает преподавателем высшей математики в Технологическом институте. Жить пришлось в общежитии, что было непросто: общая кухня, туалет, душ». В том же очерке Евгения приводит отрывки из писем Светланы: «У нас везде очереди и очереди. Чтобы найти что-нибудь, надо пять раз пробежать этот самый проспект Мира из конца в конец. На Ляку каждый месяц дают талон на ½ кг манной крупы, риса и масла. Неужели у всех так?.. Нам достали булку настоящего белого хлеба, а белый хлеб мы не ели с иркутских времен, потому что в очереди стоять некогда...» (С. 33).

И это написано не о военных, не послевоенных и даже не разрушительных 90-х годах XX столетия, это о начале 60-х. Коротка наша память и избирательна. Избирательно рассуждают порой и о литературных премиях Распутина, об его преуспевании материальном, не ведая о тяготах и даже трагизме его жизни. Почитайте книгу, о которой пытаюсь сказать, и откроете истинное бытие семьи Молчановых и Распутиных, бытие глубинных сибирских городов.

Пора сказать об отце Светланы Молчановой. Отчего так перепугался студент историко-филологического факультета Иркутского университета Валентин Распутин? Писательская слава поэта и прозаика Ивана Молчанова-Сибирского в середине XX столетия была не только сибирской. Его стихи, детские книги издавались многотысячными тиражами (общий тираж книг приближался к миллиону). Его имя ныне носит Иркутская областная универсальная государственная библиотека и одна из улиц города. Писатели благодарно вспоминают его как руководителя иркутской писательской организации. «При нем в писательском доме всегда царил доброта, искренность, благожелательность, царил дух настоящего писательского дома, куда стремились все писатели — и молодые, и старые». Это тоже из речи Распутина, хотя самому ему не довелось прочувствовать наставничество опытного писателя: Молчанов-Сибирский ушел из земного бытия в 1958 г., поэтому отец

Светланы не мог увидеть и оценить становление писателя Валентина Распутина. Светлана дорожила общением с отцом, он повлиял на ее отношение к семье, Родине, литературе.

*Остановись и шапку скинь, прохожий:
В чужом краю, где степь гудит пыля,
Лежит солдат. Ему была дорожка
Всего на свете русская земля.*

Такие строки мог написать только фронтовик, постигший собственным опытом смысл воинского чувства.

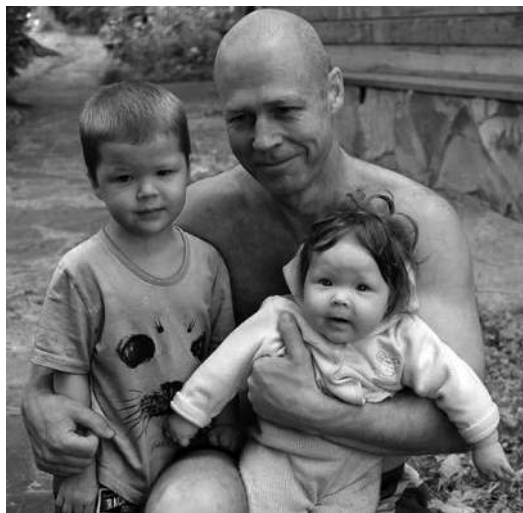
Фронтовые письма военного корреспондента И.И. Молчанова-Сибирского — это камертон характера Светланы и знак неслучайности ее более чем полувековой жизни с Распутиным, его женой, матерью их детей и бабушкой внуков. И отношение к детям тоже закладывалось письмами Ивана Ивановича жене, Виктории Станиславовне, «этому удивительному человеку, сохранявшему молодость сердца и очарование души многие годы», — так вспоминал о ней Распутин. Вот строки из письма конца 1944 г., в них боль и посильная забота о «маленьком сыночке»: «Нужно только сделать так, чтобы он не испытывал недостатка в молоке... Прошу превратить в молоко мое пальто кожаное и костюм черный. Когда вернусь домой, могу обойтись шинелью и своим обычным обмундированием». Сколько было таких отцов, которые обходились после войны шинелью, солдатским ватником и кирзовыми сапогами! И семьи после войны только возрастали, хотя едва сводили концы с концами, чтобы хватало на зиму картошки и квашеной капусты. Иван Иванович писал письма даже малым своим детям, знал, что будут подрастать и слова папы услышат, прочитают, прочувствуют.

*Прежде, чем поставить точку
(Уж пора. Полночный час).
Сына два... Еще бы... дочку...
Чтобы две и... в самый раз.*

В семье Молчановых выросли три сына и три дочки. Чем труднее была жизнь, тем меньше сокрушались о невозможности иметь детей из-за житейских тягот и скудных заработков. В больших семьях дети вырастали добрее, трудолюбивее, дружнее.

Дух молчановско-распутинской семьи не угасает в ее нынешнем преемстве. Сергей, сын Валентина и Светланы Распутиных, унаследовал этот дух в главном — он не страшится увеличения семейства, до последних дней радовал своих родителей рождением внука и внучки. Как сияла Светлана Ивановна, рассказывая о пополнении семьи внуком Гришей Распутиным, а потом и внучкой Любой! Не довелось ей увидеть правнучку, дочь Антонины и Максима Осташко, но Валентин Григорьевич, казалось, с радостным недоумением смотрел, как стремительно семенила на четвереньках правнучка Алиса. Дух любви к толчее большой семьи не уходит из стен молчановско-распутинского дома, хотя стены дома уже иные; не стены, а дух неуничтожим.

Редкостное гостеприимство отмечают все, кто бывал в доме Молчановых и Распутиных. При самых трудных обстоятельствах хозяйка находила угощение, пусть скромное, но радующее гостя. Известна любовь Распутина к хорошему, умело заваренному чаю, но все же самый редкий чай и он, и его жена стремились подарить гостям. Дарить, отдавать, угощать было для них естественным состоя-

*Сын Сергей Распутин с детьми.
Фото А. Пантелеева.*

Молчановой исполнилось 16 лет и она получила паспорт — ей хотелось хоть где-то предъявить столь весомый документ, она попросила Валентина, который в ту пору работал в Красноярске, прислать ей письмо до востребования: «Валюша подошел к этому “творчески”. Помню недоумевающие глаза работницы почтового отделения: на конверте, подписанном каллиграфическим Валюшиным почерком, были сделаны все ошибки, какие только можно было придумать: “Жени от Вали. Пусь на память тебе астається нипадвижная личнась мая. 8/Ш-1965. (Это я тебе Жена пасылаю в память о наших встречах.) Помни и ни забывай».

Настоящие книги пишутся сердцем, в России уж точно. Книга «Жить в полную силу...» — это книга любящих сердец, книга сердечной памяти. Неслучайно Н.Л. Крупина названием своей главы сделала перефразированное распутинское:

«О Светлане Распутиной с любовью: живем и помним». Страницы любви, неугасающей памяти и в других главах — Екатерины, племянницы Светланы, и Галины Николаевой, с которой они в студенчестве подружились, а позднее породнились, поскольку сын Николаевой женился на Екатерине.

Не только житейские подробности обнаруживаем в книге. Литературовед, литературный критик, биограф найдет свой срез на многих страницах книги. Филолог Наталья Дулова, знавшая с детских лет дом Молчановых и подружившаяся с семьей Распутиных, передает смысл некоторых суждений писателя о литературе, она отваживалась даже оспаривать его суждения. Н.В. Дулова сумела записать мимолетно родившийся афоризм Распутина:

«Достоевский всегда с человеком, а Толстой — над человеком». Здесь есть над чем подумать специалисту любой квалификации.

Испытания собственной семьи приближали Распутина еще более к Достоевскому. Ударом была смерть в 1969 г. прожившего лишь годик сына Романа, но молодые родители еще как-то могли выдержать этот удар. Гибель дочери Марии в жуткой иркутской авиакатастрофе, когда сгорел уже приземлившийся самолет со 125 пассажирами, выдержать уже оказалось не по их силам. Об этом очень тактично пишут авторы сборника, сознавая, что жизнь Светланы и Валентина разделилась на «до» и «после» катастрофы, и что болезни, преждевременный уход их

нием души. Принимать гостей тоже: гости могли их стеснять, мешать работе, но они не препятствовали их приходу, даже самому неожиданному. И оставлять гостей на ночлег — заведено было в их квартире, на даче. Это тоже от молчановских устоев и от бесприютства, тесноты, которых сполна хлебнул в детстве писатель.

Встречи, праздники наполняли юмором, выдумкой. Все авторы увлекательно пишут об этом, передавая дух семьи, дух времени. Новый год, день рождения не обходились без открыток, стихов, розыгрышей. А юмор Валентина отличался особой серьезностью и мог обескуражить несведущего человека. Когда Евгении

из жизни оказался предопределен этим пожаром. В книге приведены проникновенные письма утешения от близких людей.

В ткань книги гармонично вошли стихи и шутливые, и серьезные, и трагические. На гибель Марии отозвался Владимир Скиф, муж Евгении Молчановой. Творчество его ценил Распутин. Скиф вел в органном зале Иркутской филармонии концерт памяти Марии, органные концерты которой слышали и в Иркутске, и в Петербурге, и в Москве, и в Германии.

*И как-то странно, очень странно,
Что нет ее. Тень из угла
Метнулась, как душа органа,
И задышала, ожила.*

*А в небе рано, слишком рано
Звезда Мариина возшла.
Болит, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была.*

Скиф посвятил стихи не только Марии, но и Светлане — этот цикл стал своеобразным послесловием к книге.

Поразительно, что эпиграф к книге воспоминаний был предугадан Светланой Ивановной и Марией. Об этом — свидетельство Виктора Стефановича Кожемяко, собеседника Распутина по диалогам, публиковавшимся в газетах и отдельными книгами. Провожая журналиста, уже в прихожей Светлана Ивановна вдруг сказала:

— Извините, пожалуйста, у Маруси возникло затруднение, в котором я не могу ей помочь. Может быть, вы помните, чьи это стихи?

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были!*

А прозвучали стихи Василия Жуковского...